

**24/7 В ДЕТСКОМ САДУ:
НЕВИДИМЫЙ ТРУД.
ЖИЗНЬ И МЕЧТЫ ВОСПИТАТЕЛЯ**

ЖУКОВА ИРИНА

Ирина Жукова

**24/7 в детском саду: невидимый
труд. Жизнь и мечты воспитателя**

«Автор»

2026

Жукова И. М.

24/7 в детском саду: невидимый труд. Жизнь и мечты воспитателя
/ И. М. Жукова — «Автор», 2026

«24/7 в детском саду: невидимый труд. Жизнь и мечты воспитателя» — честный рассказ Ирины Жуковой о буднях воспитателя: за нарядными фото с утренников — бессонные ночи, поиск слов для плачущего ребёнка, борьба с бюрократией и умение говорить «нет». Книга раскрывает эмоциональную сторону профессии, маленькие победы и невидимый труд, который остаётся за кадром отчётов. Для педагогов, родителей и всех, кто хочет заглянуть за кулисы детского сада и увидеть настоящую цену детской улыбки.

© Жукова И. М., 2026

© Автор, 2026

Ирина Жукова

24/7 в детском саду: невидимый труд. Жизнь и мечты воспитателя

Пролог. Что видят родители и что остаётся за кадром

Иногда мне кажется, что мир видит только одну сторону моей работы — ту, которую удобно показать. Вот фото с утренника: нарядные дети, яркие костюмы, улыбки до ушей. Всё так красиво, будто и не было бессонных ночей над выкройками этих самых костюмов, не было слёз из-за того, что лента никак не хочет пришиваться ровно, не было паники в день выступления, когда трое малышей вдруг забыли все слова, а один вообще отказался выходить из-за кулис.

А вот другое фото — из коридора в 08:15. На нём нет ни праздника, ни улыбок. Там я одна стою посреди хаоса: кто-то плачет навзрыд, потому что не хочет расставаться с мамой, кто-то развязал шнурки у всех подряд, будто устроил маленький бунт, а третий тихо сидит в углу и вообще не хочет ни с кем разговаривать. И в этот момент никто не снимает, никто не аплодирует, и кажется, что весь этот труд — невидимый. Его не видно в отчётах, его не посчитаешь в баллах конкурса, его не впишешь в графу «достижения».

При этом мало кто задумывается, что даже если костюмы шьёт костелянша или родители, ответственность всё равно лежит на воспитателе. Я должна убедиться, что каждый ребёнок одет, обут, причёсан, спокоен и точно знает, куда ему идти, зачем и что делать. Костюм должен быть чистым, без дырок, подходить по размеру — и если где-то не хватает бантика или пуговица вот-вот оторвётся, это я замечаю первой и ищу, как быстро всё исправить.

И порой я не сплю вовсе не потому, что сижу с иглой до полуночи. А потому, что мысленно перебираю в голове десятки мелочей: хватит ли костюмов на всех, не перепутают ли дети свои места, не расстроится ли кто-то из малышей, увидев, что его наряд чуть отличается от остальных. Я постоянно на связи — с родительским комитетом, с костеляншей, с музыкальным руководителем: то уточняю размер, то прошу подшить, то договариваюсь, кто и когда поможет переодеть детей. В день утренника эти сообщения летят без остановки, и каждая задача требует мгновенного решения: «А у Пети нет бабочки», «А Маша боится сцены», «А костюм зайца оказался мал». И я должна сделать так, чтобы все были довольны — и дети, и родители, и коллеги.

А про утро я вообще молчу. Только открыла группу — и тут же телефон начинает вибрировать в руке, будто живёт своей жизнью. В мессенджере одно сплошное «блямк»: «Мы не пройдем», «Мы опоздаем», «Оставьте завтрак». И вроде бы простая вещь — отметить детей, но и тут не всё так просто. Есть правила, есть режим, есть свои нюансы. Хочется, чтобы всё было идеально, чтобы ни одна деталь не ускользнула, хотя в реальности далеко не всё удаётся соблюсти.

Особенно тяжело, когда нужно найти подход к каждому: кому-то хватит одного спокойного слова, кому-то нужно присесть рядом и поддержать за руку, а кому-то — просто дать пять минут постоять у окна и посмотреть, как капает дождь. И если у ребёнка есть особенности, например ЗПР, это требует ещё больше внимания, терпения и тонкой настройки всего дня. Но порой слышишь вокруг: «Все здоровы, все счастливы, все одинаковые, нет плохих или буйных». И от этой фразы становится чуть горько: ведь признание того, что дети разные, и есть первый шаг к настоящей заботе. А значит, и моя задача — не подгонять всех под одну линейку, а помочь каждому остаться собой и при этом чувствовать себя в безопасности.

Именно это ощущение — будто меня не видят, будто замечают только результат, а не путь к нему, — и стало причиной, почему я взялась за эту книгу. Не для того, чтобы пожало-

ваться, а чтобы сделать невидимое видимым. Чтобы кто-то, кто смотрит на красивое фото с утренника, вдруг увидел и тот коридор в 08:15, и понял: за каждой улыбкой ребёнка, за каждой аккуратной поделкой, за каждым выученным стихотворением стоит огромное количество терпения, маленьких решений и тихих побед, о которых почти никто не знает.

Я хочу, чтобы эти невидимые моменты перестали быть невидимыми. Хочу, чтобы труд воспитателя — настоящий, живой, непростой — стал чуть более заметным. И если эта книга поможет хотя бы одному человеку увидеть чуть больше, чем просто картинку, значит, она написана не зря.

Часть 1. Видимое. Занятия, поделки, утренники — то, что легко показать на фото

Глава 1. Как мы учили цвета и потеряли три недели на «не хочу»

Занятия идут по расписанию. Конспекты пишутся по плану. Литература — та, что рекомендовал отдел просвещения и закрепили в вышестоящих инстанциях. Всё строго, всё логично. Только дети не роботы. И простая тема «цвета», которую по плану надо закрыть за одну-две недели, у меня вылилась в три. А могла бы — и в год.

Утро начиналось как обычно: я расставила корзинки с кубиками, разложила карточки, достала краски и мысленно пробежалась по плану занятия. Тема простая — цвета. Для малышей 3–4 лет. Казалось, что тут сложного: показать красный, синий, зелёный, дать пощупать, назвать, закрепить в игре. Я даже придумала весёлую считалочку, чтобы цвета запоминались легче.

Но в тот день группа будто сговорилась.

Первым «сломался» Артём. Он не хотел садиться на ковёр. Вообще. Ни за конфету, ни за «посмотри, тут мишка ждёт», ни за обещание, что потом пойдём мыть руки и смотреть, как вода течёт. Он стоял у двери и повторял: «Не хочу. Не надо». И это «не надо» звучало не про цвета, не про занятие, а про весь мир вокруг.

Рядом Лиза прятала краски. Не просто убирала — прятала. За спину, под стульчик, в карман фартука. Когда я мягко просила достать, она смотрела на меня огромными глазами и шептала: «Они злые». Оказалось, синий цвет для неё был «злым», потому что вчера в синем комбинезоне пришёл мальчик, который забрал у неё лопатку на прогулке. И теперь синий — это не оттенок, это воспоминание, это маленькая обида, которую нельзя просто стереть словами.

А Ваня решил, что цвета — это соревнование. Он хватал карточки и кричал: «Это моё! Моё!» Каждый раз, когда кто-то тянулся к той же карточке, начинался спор. В итоге занятие превратилось не в изучение цветов, а в бесконечное «давай поделим», «давай по очереди», «давай сейчас ты, а потом он».

Я это понимала уже на второй день, когда вместо «назови цвет» у нас шло «я не хочу садиться», «это злой», «это моё». И тут начинается внутренний конфликт: с одной стороны — план, с другой — реальные дети, которым прямо сейчас важнее не выучить синий, а почувствовать, что их слышат.

Система устроена так, что закрепление идёт разрозненно. Рисование — раз в неделю. Математика — раз в неделю, и там тоже можно зацепить цвета, но это уже другая логика: не «какой это цвет», а «сколько красных кубиков». И получается, что между занятиями, где я пытаюсь удержать тему, проходит целая неделя. За эту неделю кто-то забывает, кто-то заново боится, кто-то просто живёт своей жизнью и не обязан помнить про цвета.

И тогда приходится искать опоры везде, где можно. Я пошла к инструктору по физкультуре — попросила, если будет возможность, через игру тоже обращать внимание на цвета. «Можно, когда будете строиться, сказать: „Встаньте по цветам: кто в красном — сюда, кто в жёлтом — туда“?» Она посмотрела на меня с пониманием, но в глазах читалось: «У меня свой план». И я её не виню. У неё свои задачи, свои нормативы, свои конспекты. И когда коллега

приходит и говорит: «Помоги мне закрепить цвета», это не подмога — это дополнительная нагрузка.

Получается замкнутый круг. Либо ты тянешь тему в одиночку и рискуешь не успеть по плану, либо пытаешься распределить нагрузку и становишься «обузой» — для коллег, для себя самой, потому что постоянно надо кого-то просить, договариваться, встраивать. А если не делать ни того, ни другого, то есть третий путь: формально пройти тему, поставить галочку, а дети останутся с тем же «не хочу», «злой», «моё». И это самое горькое: когда понимаешь, что формально всё сделано, а по-настоящему — ничего.

Иногда я ловила себя на мысли: «Может, я просто не умею укладываться в сроки? Может, другие воспитатели справляются за неделю, а я растягиваю на три?» Но потом смотрела на детей и понимала: дело не в скорости. Дело в том, что у каждого свой темп принятия нового. Лиза не могла смотреть на синий, пока мы не «починили» пингвина. Артём не мог сесть на ковёр, пока не почувствовал, что его «не заставляют». Ваня не мог спокойно называть цвета, пока не получил возможность выплеснуть свою энергию в игре. И если бы я гналась за планом, я бы просто проскочила мимо этих важных точек.

Поэтому я продолжала искать способы встроить цвета в каждый день. В режимные моменты: при переодевании, в игре, на прогулке. Старалась, чтобы тема не исчезала между занятиями.

Однажды я повесила на крючки цветные таблички: красный, жёлтый, синий, зелёный. И придумала правило: «Снимаем куртку — говорим цвет». Сначала это звучало как ещё одна инструкция, и дети её игнорировали. Но я не настаивала. Просто каждый раз, когда кто-то снимал куртку, я спокойно называла: «Ага, синяя куртка. Молодец, снял». Без оценки, без «правильно», просто как факт.

И тут сработало. Артём, который раньше вообще не хотел участвовать ни в чём, однажды сам буркнул: «А у Вани красная!» Я не стала поднимать градус, не сказала: «Ура, ты назвал цвет!» — просто кивнула: «Да, красная. Он её быстро снял». И Артём будто выдохнул: он сказал, его услышали, и мир не рухнул.

Потом мы перенесли цвета на шкафчики. Каждый шкафчик получил свой цвет и наклейку-зверя: красный — лисёнок, жёлтый — цыплёнок, синий — пингвин, зелёный — лягушонок. Правило было простым: «Твой зверёк живёт в твоём шкафчике. Если забыл, где твой, посмотри на зверя и цвет». Это оказалось не про цвета даже, а про ориентиры: когда у ребёнка есть своя точка опоры в пространстве, ему спокойнее. А спокойный ребёнок уже может учиться.

Были моменты, когда всё снова шло наперекосяк. Однажды Лиза отказалась подходить к шкафчику, потому что «пингвин смотрит злыми глазами». Я не стала убеждать, что он добрый. Вместо этого мы вместе «поправили» пингвина: приклеили ему улыбку из жёлтой полоски. И Лиза сама сказала: «Теперь он хороший». И только после этого она спокойно сняла куртку и пошла мыть руки.

Ваня по-прежнему хотел соревноваться. Но теперь я стала направлять это в игру: «Кто быстрее найдёт три жёлтых предмета?» Он тут же включался, бегал по группе, кричал: «Табулетка жёлтая!», «Карандаш жёлтый!», «Лента жёлтая!» И в этой гонке он не только называл цвета, но и учился замечать детали. А главное — он чувствовал, что его энергия нужна, а не мешает.

В один день мы отказались от карточек и стали искать цвета в одежде. «У кого есть красный?» — и тут сразу оживление. Лиза подняла рукав: «У меня!» Артём заметил пуговицу на рубашке и впервые сел рядом. Ваня перестал кричать «моё», потому что цвет был не предметом, а частью чего-то большого, общим.

Потом мы стали «охотиться» на цвета по всей группе: красный — дверца шкафа, жёлтый — подставка для кисточек, зелёный — лист фикуса. Это уже было не про запоминание

названий, а про исследование мира. И дети вдруг начали сами замечать: «А у Маши бантик розовый!», «А тут синяя полоска!».

Однажды на прогулке мы играли в «охоту на цвета» прямо на площадке. Я дала каждому по маленькому мешочку и сказала: «Собираем всё красное, что найдёте». Кто-то тащил камешек, кто-то — листик, кто-то принёс красную пуговицу, которую нашёл у скамейки. Когда мы вернулись и высыпали добычу на ковёр, дети сами начали сортировать: «Это красное!», «А это оранжевое, не подходит!», «А вот это точно красное!». И в этот момент я увидела то, ради чего всё затевалось: они не просто повторяли за мной слова — они начали самостоятельно применять знание.

В тот вечер, когда группа опустела, я села на детский стульчик, закрыла глаза и вдруг почувствовала, как уходит напряжение, которое держалось во мне все эти три недели. Не потому что всё стало идеально. А потому что я наконец перестала мерить успех только по конспекту. Успех был в том, что Артём сам сел на ковёр. В том, что Лиза перестала прятать краски. В том, что Ваня соревновался не за право быть первым любой ценой, а за то, чтобы увидеть больше всех.

Видимый результат — это когда ребёнок уверенно называет цвета. А невидимый — это когда он перестаёт прятать краски, садится рядом и говорит: «Я тоже хочу». И именно этот невидимый результат нельзя вписать в строчку отчёта, но без него никакой видимый не имеет смысла. Три недели на цвета — это не провал. Это время, за которое дети перестали бояться темы. И когда на итоговом занятии почти все уверенно называли цвета, я знала: мы пришли к этому не потому, что строго следовали плану, а потому, что план мы подстраивали под детей, а не наоборот.

Глава 2. Утренник: блеск и нервы за кулисами

Заведующая созвала всех воспитателей и музыкального руководителя в свой кабинет. Мы расселись кто на стульях, кто на краешке дивана — привычно, будто не на совещание, а на пятиминутку между режимными моментами. На столе у заведующей лежала папка с надписью «Праздничный план», а в воздухе витало то самое чувство: сейчас прозвучит «надо», и у кого-то внутри сразу щёлкнет: «Опять всё на мне».

— Так, коллеги, готовимся к осеннему утреннику для младших групп, — сказала заведующая, открывая папку. — Тема: «Осенние чудеса». Музыкальный руководитель, вам — основная канва, песни, танцы. Воспитатели, вы берёте сценки, распределение ролей, костюмы, родителей. Срок — месяц.

Я поймала взгляд музыкального руководителя — спокойный, привычный: она слышала это каждый год. Для неё утренник начинался не с костюмов и не с родительских чатов, а с музыки: с темпа, с ритма, с того, как дети смогут двигаться под мелодию. А для меня он начинался с детей: с того, кто испугается сцены, кто не захочет надевать шапочку, кто забудет слова на третий день репетиций.

И тут в голове у меня щёлкнуло ещё одно: при этом занятии никто не отменял. Всё шло строго по плану и по режиму. Утренняя гимнастика, завтрак, образовательная деятельность, прогулка, обед, сон, полдник — каждый пункт должен быть выполнен, каждый ребёнок на учёте, каждый режимный момент зафиксирован. И параллельно с этим — утренник. Не вместо работы, а поверх неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.